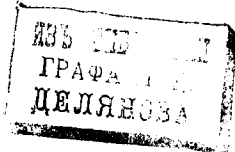

А 190
169.

201-25
5342-0

ИМПЕРАТОРЪ

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

БИОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРЕКЪ.

Соч. К. Н. Ярошъ.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія.
1890.

Дозволено цензурою. 22 января 1890 г. С.-Петербургъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

	<i>Стр.</i>
Личныя свойства императора	1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Черты государственнаго управленія	25
---	----

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«Западники»	60
-----------------------	----

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Личныя свойства императора.

I.

Жизнь всякаго человѣка есть выраженіе его характера. Каждое слово наше и каждый шагъ выражаютъ, болѣе или менѣе, съ той или иной стороны, нашу внутреннюю сущность. Но бываютъ моменты, когда эта внутренняя человѣческая сущность выступаетъ особенно рельефно и ярко. Въ подобныхъ случаяхъ, окружающія человѣка лица замѣчаютъ: «Боже, какъ узнаёмъ мы его въ этомъ дѣйствіи!» или «какъ характеризуетъ его этотъ поступокъ!»

Сказанное о жизни отдѣльнаго человѣка примѣнимо и къ жизни народовъ. Здѣсь также мы имѣемъ дѣло съ безконечной вереницей проявленій національнаго характера. Исторія народа есть постепенное раскрытіе его внутреннихъ силъ, способностей и свойствъ. Но эпохи этой исторіи не всѣ одинаково выразительны: инныя изъ нихъ являютъ моральную сущность народа въ полутѣняхъ и полу-

тонахъ, и только иногда облака поднимаются, туманъ разсѣивается—и предъ нами, въ свѣтѣ яркаго дня, выступаютъ отчетливо черты духовной національной фizioноміи. Мы полагаемъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что къ числу такихъ моментовъ отечественной исторіи, во многихъ отношеніяхъ, должно отнести и тридцатилѣтіе, занятое царствованіемъ Николая I-го.

Въ ноябрѣ 1825 года скончался императоръ Александръ. Николай Павловичъ зналъ, что актъ отреченія отъ престола цесаревича Константина положенъ покойнымъ императоромъ на храненіе въ высшія государственныя учрежденія, но, тѣмъ не менѣе, онъ немедленно принесъ вѣрноподданическую присягу старшему брату. Онъ принялъ такое рѣшеніе,—по собственнымъ словамъ,—«въ чистотѣ совѣсти, предъ Богомъ, читающимъ въ глубинѣ сердца». Онъ не спѣшилъ вступить въ права высокаго наслѣдства; вѣрный основному государственному закону о престолонаслѣдіи, онъ не хотѣлъ воспользоваться отреченіемъ цесаревича, полагая, что это отреченіе могло быть, или не вполнѣ обдуманнѣмъ, или не вполнѣ добровольнымъ. Нужны были категорическія и настойчивыя подтвержденія со стороны неизмѣннаго въ разѣ сказанномъ словѣ великаго князя Константина, чтобы Николай Павловичъ согласился наконецъ взойти на престолъ. Этотъ первый шагъ молодаго императора нашелъ справедливую оцѣнку въ исторіи. Но, позволяемъ себѣ думать, что истинное величіе этого поступка заклю-

чается не столько въ томъ, что онъ явилъ собою «назидательное зрѣлище величайшей законности, умѣренности желаній, великодушія и высокой деликатности чувствъ (ср. Schnitzler, *Histoire intime de la Russie*)», сколько въ томъ, что онъ далъ неоспоримое доказательство общности личныхъ взглядовъ государя съ народнымъ понятіемъ о сущности верховной власти. Здѣсь добродѣтель частнаго челоуѣка тонетъ въ величіи яркаго выразителя національных идеаловъ.

Верховная власть, по русскому воззрѣнію, есть высшій пунктъ духовнаго единенія народа. Эта власть не есть лишь внѣшняя форма или оболочка, въ которую вносятъ все содержаніе, вмѣстѣ съ собою, смѣняющіяся личности монарховъ. Нѣтъ, вступая на наслѣдственный престолъ, верховные представители Россіи находятъ здѣсь уже опредѣленные историческіе, религіозные и этические элементы, которыми и проникаются въ большей или меньшей степени. Такимъ образомъ, русскій монархъ есть символъ цѣлостности духовной фізіономіи страны, но символъ, отнюдь не похожій на пассивное и мертвенное знамя, вѣнчающее, напри- мѣръ, политическое зданіе Англіи; нашъ символъ активенъ, онъ живетъ и дѣйствуетъ индивидуальными силами и свойствами царствующаго въ каждое данное время лица. Такое сліяніе во едино общенародныхъ идей, задачъ и тенденцій съ индивидуальными особенностями лица не составляетъ непримиримаго противорѣчія. Ветхозавѣтные про-

роки были также осуществителями одного и того-же Божьяго дѣла, но это не мѣшало имъ однако-же имѣть особенныя индивидуальныя духовныя фizioноміи, и мы легко отличаемъ слово Іереміи отъ слова Исаіи.

Людвигъ XIV характеризовалъ свою власть изреченіемъ: «государство—это я»; русскій монархъ опредѣляетъ свою политическую сущность другимъ положеніемъ. Онъ говоритъ: «я—это вся Россія». Такой тезисъ означаетъ, что, по русскимъ понятіямъ, не государство суживается до личности государя, а личность царя, его помыслы, заботы и чувствованія расширяются до предѣловъ государства. Русскій тронъ не есть простой пьедесталь для личнаго величія монарха; онъ—высокій жертвенникъ, у котораго происходитъ священнодѣйствіе осуществленія стремленій народной жизни. Такимъ образомъ, въ понятіе власти входитъ основнымъ элементомъ идея служенія государству. Гдѣ власть считается лишь орудіемъ честолюбія и иныхъ эгоистическихъ интересовъ лица, обладающаго ею, тамъ не можетъ быть затрудненій въ выборѣ средствъ для достиженія вершины государства. Не обращаясь мыслью въ даль прошедшаго или въ глубь Востока, гдѣ ступени трона служили часто ареной кровавыхъ сценъ,—даже въ новой Европѣ находимъ не мало тяжелыхъ зрѣлищъ. То видимъ мы власть, захватываемую въ расплохъ, среди революціонныхъ народныхъ бѣдствій, то видимъ претендентовъ, идущихъ въ власть въ обозѣ армій непріятельскаго

нашествія; въ одномъ мѣстѣ власть достигается рядомъ обманныхъ обѣщаній, среди криковъ подкупленной прессы, въ другомъ—мы наблюдаемъ поразительную жадность, съ какою новый властитель выхватываетъ скипетръ изъ рукъ еще неохладѣвшаго трупа предшественника. Печальная картина!...

Совсѣмъ иное должно проистекать изъ взгляда на власть, какъ на высокую форму служенія странѣ. Исполненіе священнаго дѣла требуетъ чистыхъ рукъ и чистыхъ средствъ. Такое именно пониманіе роли монарха сообщаетъ величіе указанному выше образу дѣйствій Николая Павловича. Устранивъ всякую тѣнь сомнѣнія, утвердившись на почвѣ строгой законности, онъ не слѣпными, но твердыми шагами занялъ прародительское мѣсто. Началось достопамятное тридцатилѣтіе, все проникнутое идеей царственнаго «служенія Россіи».

«Прошли наши блаженные дни!» —сказалъ молодой императоръ своей супругѣ, когда пришло время переѣзжать изъ Аничкова дворца въ Зимній. Въ этомъ трогательномъ восклицаніи ясно звучитъ прощаніе съ прежней, мирной и уединенной жизнью, и сознаніе суровыхъ обязанностей новаго высокаго поприща. Такое сознаніе не осталось въ области платоническихъ намѣреній. Въ самый первый и тяжелый день своего царствованія, Николай Павловичъ сказалъ командирамъ гвардіи: «если буду императоромъ хотя одинъ часъ, то все-же покажу, что былъ того достоинъ». Въ послѣдній-же день, въ минуту предсмертнаго прощанія съ се-

мействомъ, онъ въ двухъ словахъ формулировалъ свое послѣднее наставленіе наслѣднику: «служи Россіи». Между этими двумя моментами лежала жизнь, прекрасно очерченная стихомъ Ростопчиной:

Онъ несъ на мощныхъ раменахъ
Крестъ честной службы государской.

Ни опасность, ни личные интересы, ни семейныя заботы не отвлекали царя отъ добросовѣстнаго несенія этой службы. Затрудненія Россіи всегда находили его бодрствующимъ, бѣдствія страны встрѣчали его на посту. Такъ, при первомъ извѣстіи о безчинствахъ мятежа военныхъ поселеній, онъ явился одинъ, съ своимъ смиряющимъ, мощнымъ словомъ, среди разнузданной толпы озвѣрѣлыхъ людей, пренебрегая опасностью, которая существовала, потому-что присутствовавшіе (напр. Панаевъ) слышали въ рядахъ поселенцевъ угрожающій ропотъ: «Полно, настоящій-ли это? Не переряженецъ-ли?...» Въ другой разъ, едва узнавъ о распространеніи холеры въ Москвѣ, онъ рѣшилъ тотчасъ же отправиться туда. «Вспомни,—говорила со слезами императрица,—у тебя есть дѣти». Но Николай Павловичъ отвѣтилъ: «Потому-то именно я и ѣду, что я отецъ: мои родныя дѣти остаются на попеченіи доброй и нѣжной матери, но тамъ, въ зараженной Москвѣ, триста тысячъ дѣтей моихъ ждутъ меня...» Оживляя въ памяти рядъ подобныхъ фактовъ, мы получаемъ возможность постигнуть высокую истину, заключающуюся въ словахъ заупокоенія императора: «я умираю съ пламенною лю-

бовью къ нашей славной Россіи, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой».

Николай Павловичъ былъ, какъ извѣстно, горячимъ защитникомъ строго-монархическаго принципа. Въ этомъ отношеніи онъ не допускалъ никакихъ уступокъ и компромиссовъ, подобно тому, какъ глубоко-религіозный человѣкъ скорѣе мирится съ полнымъ невѣдѣніемъ дикаря, чѣмъ съ сумракомъ, въ который пытается окутать религію слащавый сантиментализмъ, или съ ересью, въ которой человѣческій разумъ стремится исправить откровеніе. Но не было-ли въ этой стойкости императора чего-либо эгоистичнаго? Не защищалъ-ли онъ въ монархическомъ режимѣ высоту своего положенія? Никимъ образомъ нельзя допустить подобныхъ сомнѣній. Охраняя принципъ, онъ стоялъ на стражѣ пользы страны. Его твердость въ этомъ дѣлѣ являлась лишь однимъ изъ проявленій его служенія Россіи. Несомнѣнность такого рѣшенія вопроса понятна даже иностранцамъ, одинъ изъ которыхъ (De Beaumont-Vassy, Empire russe, 1853 г.) говоритъ: «Ce serait singulièrement méconnaître le caractère historique de l'empereur Nicolas, que de le juger étroit, au point de tout sacrifier à un intérêt personel ou dynastique, et l'erreur n'est pas possible, lorsqu'on l'a étudié avec quelque suite».

Дѣятельность человѣка, осуществляющаго личныя выгоды, всегда идетъ путемъ зигзаговъ: моменты колебанія, когда человѣку неловко и стѣснительно обращаться къ крутымъ мѣрамъ ради

удовлетворенія мелкихъ, своекорыстныхъ интересовъ, смѣняются взрывами свирѣпой страстности и конвульсіями мстительности, когда эгоистъ встрѣчаемый на пути препятствія принимаетъ за личную обиду и оскорбленіе. Обращаясь къ дѣятельности императора Николая, мы видимъ въ ней неизмѣнную твердость и рѣшительность, но ни малѣйшихъ проявленій злобы или мести. Въ знаменитый день 14 декабря 1825 г., военный мятежъ встрѣтилъ передъ собою не трепещущаго за участь поставленной карты «претендента», въ родѣ Луи-Наполеона въ Булони или Стразбургѣ, а спокойную стойкость молодого монарха, сознающаго свое исторически-національное, государственное значеніе. Послѣ усмиренія волненій, Николай Павловичъ, съ пониманіемъ печальной политической необходимости, подписалъ безъ колебаній судебный приговоръ, которымъ назначалась ссылка многимъ членамъ знатныхъ фамилій. Но были-ли въ мѣрахъ правительства какія-нибудь проявленія запоздалой расправы или злопамятнаго мщенія? Напротивъ, императорскіе манифесты заботливо спѣшили предупредить даже опасенія чего-либо подобнаго. «Въ глазахъ нашихъ,—читаемъ въ одномъ изъ нихъ,—союзъ родства передаетъ потомству славу дѣяній, предками стяжанную, но не омрачаетъ безчестіемъ за личные пороки и преступленія...». Вслѣдъ за арестованіемъ Рылѣва, одного изъ главныхъ зачинщиковъ мятежа, императоръ и императрица дали денежное пособіе его семейству, о чемъ Рылѣвъ

писалъ къ своей женѣ: «Милосердіе государя и поступокъ его съ тобою потрясли мою душу».

Вспыхнувшее пять лѣтъ спустя возстаніе Польши было по-истинѣ перчаткой, брошенной Николаю Павловичу европейской революціей. Но императоръ поднималъ эту перчатку не съ злобой лично оскорбленнаго человѣка, а съ спокойной рѣшимостью представителя монархической Россіи, желающей сохранить въ своихъ предѣлахъ высокочтимый, стародавній режимъ. «Господа,—говорилъ Николай Павловичъ офицерамъ гвардіи, при началѣ польской кампаніи,—не увлекайтесь постыднымъ чувствомъ мщенія. Помните, что вамъ предстоитъ карать виновныхъ... но все-же они—братья». Въ манифестѣ-же объ окончаніи войны находимъ прежде всего благодарность войскамъ за проявленные ими кротость и человѣколюбіе во время военныхъ дѣйствій. «Не грозою мщенія,—читаемъ здѣсь,—а примѣромъ вѣрности, великодушія и забвенія обидъ вы будете способствовать успѣху къ тѣснѣйшему, твердому соединенію сего края съ прочими областями Россіи».

II.

Сліяніе царской, величавой стойкости, энергіи и властности съ личною скромностью характеризуетъ всю дѣятельность Николая Павловича. Стоя во главѣ могущественнаго государства, владѣя сильною арміей, легко было-бы подпасть искушеніямъ

славолюбія и попытаться окружить себя ореоломъ завоевателя. Но заботы нашего государя въ военное время бывали иныя. Если арміи Наполеона I занимались исключительно добываніемъ лавровъ своему полководцу, то русскія войска николаевского царствованія служили только Россіи. «Для чего мнѣ завоеванія?—писалъ императоръ Дибичу. —Какія выгоды произошли-бы отъ того для нашей матушки Россіи, т. е. для губерній Ярославской, Московской, Владимірской и прочихъ». Въ другомъ письмѣ, послѣ удачъ турецкой войны, въ 1829 г., находимъ: «Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, отнесемъ все къ Богу и станемъ спокойнѣе, скромнѣе и великодушнѣе. Такова искомая мною слава и да воздержитъ меня Господь отъ исканія иной». Лично скромный въ иностранной политикѣ, Николай Павловичъ былъ столько-же скромень и во внутренней. Къ концу двадцатипятилѣтія его царствованія, дворянство многихъ губерній пришло къ мысли ознаменовать событіе «всероссійскимъ modeledномъ» въ Москвѣ и поднесеніемъ государю наименованія «отца отечества». Но Николай Павловичъ, понимая, что инициаторы подобныхъ манифестацій нерѣдко стремятся лишь заявить о себѣ, а главное, не любя никакихъ личныхъ триумфовъ, отклонилъ юбилейное торжество, написавъ на докладѣ: «Молиться, буде хотять, могутъ вездѣ, и можетъ каждый про себя, а не въ видѣ общемъ».

Охраняя строго прерогативы самодержавія и обладая, по выраженію Гизо, врожденнымъ инстин-

втомъ власти, императоръ Николай не проявлялъ наклонности возводить свою личную волю и свое личное мнѣніе въ непреложный законъ. Онъ охотно выслушивалъ чужія мнѣнія и постоянно обнаруживалъ чуткость къ справедливымъ доводамъ. Поэтому цѣлая бездна отдѣляетъ его отъ автократовъ, въ родѣ Фридриха Великаго, который собственною личностью заслонялъ страну отъ правительства, осыпалъ бранью канцлера, давалъ пинки сановникамъ и противопоставлялъ мнѣнію судей свои личные, часто грубыя понятія о правосудіи (Маколей). Однако-же, не смотря на полную мѣру благородной скромности, Николай Павловичъ отнюдь не сводилъ своего служенія Россіи до роли пассивнаго символизма. Онъ не скрывался въ глубинѣ правительственнаго механизма и его голосъ не заглушался бумажнымъ шелестомъ канцелярій. Напротивъ, его личность всегда и повсюду была на виду. Людямъ всѣхъ сословій и классовъ, до послѣдняго солдата или крестьянина, была знакома величественная фигура государя, «перваго красавца въ государствѣ», его воинственно-царственный обликъ, выдѣлявшійся въ толпѣ генераловъ свиты, его огненный взглядъ, выражавшій твердость характера, его слегка саркастическая улыбка, его звучный голосъ, его не обильная, но отчетливая, легкая и свободная рѣчь. На безконечныхъ парадахъ и маневрахъ, во время постоянныхъ разъѣздовъ Николая Павловича по Россіи, всѣ имѣли возможность любоваться своимъ царемъ, который былъ, дѣй-